

А. Н. Куклин. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ): Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1998. 65 с. [Отзыв]

В последние десятилетия в языкознании восточно-финских народов широкое развитие получила такая его отрасль, как ономастика, в особенности топонимика. Ярким свидетельством тому является появление целого ряда книжных публикаций по республикам и областям Поволжья и Приуралья, в частности, книги А. И. Туркина¹ по Республике Коми, И. С. Галкина² по Республи-

¹ А. И. Туркин. Кõні тэ олан? (Места нимъяс йылысь висътьяс). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. 132 лб.: *его же*. Краткий коми топонимический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 112 с.

ке Марий Эл, Д. В. Цыганкина³ по Мордовии, А. С. Кривошековой-Гантман⁴ по Пермской области, М. Г. Атаманова⁵ и Л. Е. Кирилловой⁶ по Удмуртской Республике и др. В этих изданиях или этимологизируются разрозненные топонимы, зафиксированные на территории соответствующих республик и областей, или же подвергаются анализу целые пласты (микро)топонимов отдельных регионов. В контексте этих исследований монография А. Н. Куклина "Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)" (Йошкар-Ола, 1998. 204 с.) существенно выделяется своим двойственным, промежуточным, характером: с одной стороны, она вполне укладывается в сериал публикаций по топонимии вышеназванных авторов; с другой же стороны, будучи посвященной анализу материалов значительной территории, охватывающей несколько республик и областей, имеет определенный новаторский характер. Автор подошел к изданию монографии в результате большого количества частных публикаций в виде статей, тезисов докладов, учебно-методических пособий и разработок для школ и вузов Марийской Республики. Логическим завершением широкомасштабной исследовательской работы, проведенной А. Н. Куклиным в течение двух десятилетий, является представление монографии и ряда других публикаций по их теме к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук в виде научного доклада.

² И. С. Галкин. Тайны марийской топонимики. Йошкар-Ола, 1985. 96 с.; *его же*. Кто и почему так назвал: Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 160 с.

³ Д. В. Цыганкин. Память земли. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 158 с.

⁴ А. С. Кривошекова-Гантман. Откуда эти названия? Пермь: Пермск. кн. изд-во, 1973. 112 с.

⁵ Микроэтнонимы удмуртов и их отражени в топонимии: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск. 1980. 160 с. (львиную долю этого сборника – с. 3–117 – занимают статьи М. Г. Атаманова); М. Г. Атаманов. Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.; *его же*. История Удмуртии в географических названиях. Ижевск: Удмуртия, 1997. 248 с.

⁶ Л. Е. Кириллова. Микроэтнонимия бассейна Валы (в типологическом освещении) / РАН. УрО. Удм. ин-т ист., языка и лит. Ижевск, 1992. 320 с.

Научный доклад “Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)” А. Н. Куклина включает, помимо традиционных введения (с. 3–13), заключения (с. 54–57), списка публикаций (с. 58–64) и условных сокращений (с. 64–65), три главы, весьма логично вытекающие из историко-хронологических, языковых, территориальных и естественно-природных особенностей возникновения анализируемого материала, извлеченного из 87 печатных источников (к сожалению, автором не названо общее количество собранных им топонимов).

В первой главе “Вопрос об уральском субстрате в топонимии Волго-Камья” (с. 13–34) автор на основе языковых, исторических и археологических материалов приходит к вполне убедительному – по крайней мере, для меня, языковеда – выводу о том, что “нет сколько-нибудь серьезных оснований для отрицания возможного участия каких-то сибирских племен в создании гидронимов Волго-Камья” (с. 24); причем наиболее достоверными претендентами на этот древнейший пласт выступают “топонимы угро-самодийского происхождения” (с. 15). Последняя идея в принципе не совсем нова: в самое последнее время об этом писал, касаясь топонимии Камско-Вятского междуречья, М. Г. Атаманов⁷.

Однако в данной главе у меня вызывает сомнение, насколько точно использован термин “уральский (субстрат)”. Если этот термин употреблен в своем первичном (точном) значении, то можно ли говорить собственно об “уральском субстрате” на территории распространения самих современных уральских языков – мордовских, марийских, удмуртского и коми? В данном случае речь может идти, на мой взгляд, не о *субстрате*, а о древнем *пласте прауральского периода*. Если же автор имеет в виду совокупность топонимов, поддающихся этимологической расшифровке преимущественно/лишь на материале ненецкого, селькупского и других находящихся в ближайшем к ним родстве языков, то речь идет, разумеется, не об *уральском*, а *самодийском субстрате* в топонимии Волго-Камского региона. Что автор действительно имеет в виду последнее, свидетельствуют некоторые фразы из до-

⁷ М. Г. Атаманов. Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Йошкар-Ола, 1996. С. 27–33.

клада, напр.: (1) “Более того, недоразумение здесь вызывают попытки отдельных исследователей игнорировать уральский языковой субстрат или проецировать в финно-пермское языковое состояние элементы лексической системы самодийских языков” (с. 18); “Ее можно объяснить лишь как вариант селькупского названия реки -кы, то есть на материале уральских языков” (с. 35). Судя по приведенным цитатам, речь скорее идет о самодийских языках и самодийском субстрате, нежели об уральских.

Большой интерес для исследователей контактирования языков в различных сферах их употребления представляет вторая глава – “Взаимодействие языков и трансформация топонимов” (с. 35–44). Здесь автор, отмечая исключительную трудность в определении языковой принадлежности субстратных топонимов (с. 35), справедливо указывает на необходимость при этимологизации подобных топонимов учета “особенностей языка и типологии географических названий” (с. 39), позднейших новообразований, возникших под влиянием суперстратных языков (с. 41) и т. д. Свои положения автор иллюстрирует соответствующим фактическим материалом.

Здесь А. Н. Куклин порою, возможно, излишне категоричен, даже иногда вступая в противоречие с некоторыми своими же положениями, высказанными им по поводу других, но аналогичных явлений. К примеру, вопреки мнению М. Г. Атаманова, выводящего удмуртский ойконим *Турья* из микроэтнонима (воршудно-родового наименования) *турья* (< *тур* ‘тетерев’ или *тури* ‘журавль’ + формант -я), что, кстати сказать, типологически безупречно, докладчик возводит его в конечном счете к мансийскому источнику, не допуская при этом никаких разночтений или учета параллельного развития в различных регионах (с. 37–39). В то же время в другом месте работы, касаясь этимологической интерпретации гидронимов типа *Лоптюга*, *Лопью* и др., автор доклада пишет: “...подобного рода топонимы, содержащие элемент *лоп*, коми лингвисты должны четко разграничивать: какие названия восходят к этнониму, а какие образованы от фитонима *лопу*” (с. 40).

В третьей главе “Флористическая лексика в названиях селений Волго-Камья” (с. 44–54) докладчик указывает на исключительную (?) роль названий деревьев и слов со значением ‘лес’ в образовании топонимической лексики. По его сведениям, 6,01 %

ойконимов Республики Марий Эл образованы от флористической лексики. Однако много это или мало, затруднительно понять, ибо автор не приводит никаких цифровых данных об ойконимах, образованных на базе других лексико-семантических разрядов апеллятивной лексики. Тем не менее эти материалы представляют серьезный интерес с точки зрения того, насколько тесно связан топонимикон определенного ареала с географической средой обитания народов, его создавших.

Высказанные мною замечания ни в коей мере не снижают научного уровня доклада А. Н. Куклина “Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)”, который, кстати, имеет и самостоятельную научную ценность; а его монография на эту же тему в совокупности с другими публикациями автора является солидным вкладом не только в марийское, но и в финно-угорское языкознание в целом.

В. К. Кельмаков, доктор филологических наук, профессор (*Ижевск*).